

ЖАКИ БИЛЛОН:

Культура. — 2004. —
18 — 24 нояб. — с. 16

Его жизнь, имея на то полное основание, можно рассказать как историю: француза, потерявшего Европу на родине и ищущего ее в нынешней России; потомственного католика, приобщенного к православным таинствам особым решением Патриарха Московского и всея Руси Алексия II; викария, члена известной семьи, хипповавшего в юности и принимавшего участие в парижских событиях 1968 года сразу с обеих сторон баррикад; сапера, выезжавшего на регулирование конфликтов с алжирскими террористами, и одновременно доктора философии, выпускника Сорбонны; автора многих хитов Джо Дассена. Он — сын знаменитого шансонье и сам шансонье, его сценическое имя — национальный брэнд, продолжающий мифологическое существование во Франции в то время, как его живой носитель уже полгода живет в Москве. Это, наконец, история из женского романа: познакомившись по Интернету с русской женщиной, он женился на ней, начав совершенно новую жизнь. Ему продолжают писать его поклонники во Франции и по всему миру, а отвечает им — от его имени — юридический владелец брэнда, зарабатывающий изданием его песен и теперь уже имитацией его голоса, подделками под его творчество.

Поняв в один прекрасный момент, что, получив доступ к счетам, брэнд-держатель его просто обманывает, наш герой разорвал свои контрактные обязательства, выплатил огромные неустойки, но решения судебных инстанций о судьбе брэнда еще не получил. А потому я не могу назвать его прежние сценическое имя, зато фамильное — пожалуйста: Жаки БИЛЛОН. Сегодня он живет в России инкогнито и много работает, сочиняет песни и пьесы под новым именем — Жакес Кроэвн. Это — реальный человек, человек своего времени, отделившийся волею обстоятельства от маски-мифа и тем самым вынужденный создавать свое публичное лицо заново. Таков парадокс наших дней. Мысли, лицо и судьба, однако, — подлинны.

— Вы уникальный человек, Жаки. Кем вы себя ощущаете в первую очередь: французом, католиком, дворянином, шансонье?.. Какова ваша самоидентификация?
— В первую очередь я — музыкант. Я работаю для певцов, сочиняю для них песни. Во-вторых, я — коммуникатор. Способность чувствовать и воплощать прекрасное — великая вещь. Ты свободно выражаешь себя, говоришь то, что чувствуешь, — и люди раскрываются тебе навстречу. Ведь шансон — душа французского народа. В-третьих, — но совсем не в последнюю очередь, — я француз.

— Что значит для вас быть французцем? У нас, как водится, на этот счет распространены стереотипы. «Французскость» — это галантность, три мушкетера, Парижская коммуна, Наполеон, прекрасные дамы...

— Французы, в основном и глав-

ном, — свободолюбивая нация. Нам всегда мало свободы, сколько бы ее ни было. Француз никогда не удовлетворяется тем, что у него есть, он ищет развития, совершенства.

— Свобода — это деньги?

— Свобода — это бесплатно. Свобода — это выбор. Конечно, есть вещи, которые мы не выбираем. Через две секунды после рождения ребенка уже бьют по попке, чтобы закричал — где тут свобода? В четыре года ему говорят: этого нельзя и того тоже. Я, например, католик по рождению, крещен родителями, и это свершившийся факт, который я не могу отменить.

— Но годам к десяти мы начинаем открывать для себя свободу. Мы обязаны быть свободными.

— А террористы, загнавшие сегодня весь мир в тиски страха, — свободные люди?

— Есть те, кто делает этот выбор по убеждению. Есть те, кого принудили, выдрессировали.

— Очевидно, что свобода не обеспечивает утверждения добра в мире...

— Тогда, когда она кем-то направлена...

Сегодня европейцы потеряли Европу. Потеряли ощущение своего теплого, привычного культурного пространства. Я объездил весь континент — Европы нигде не осталось.

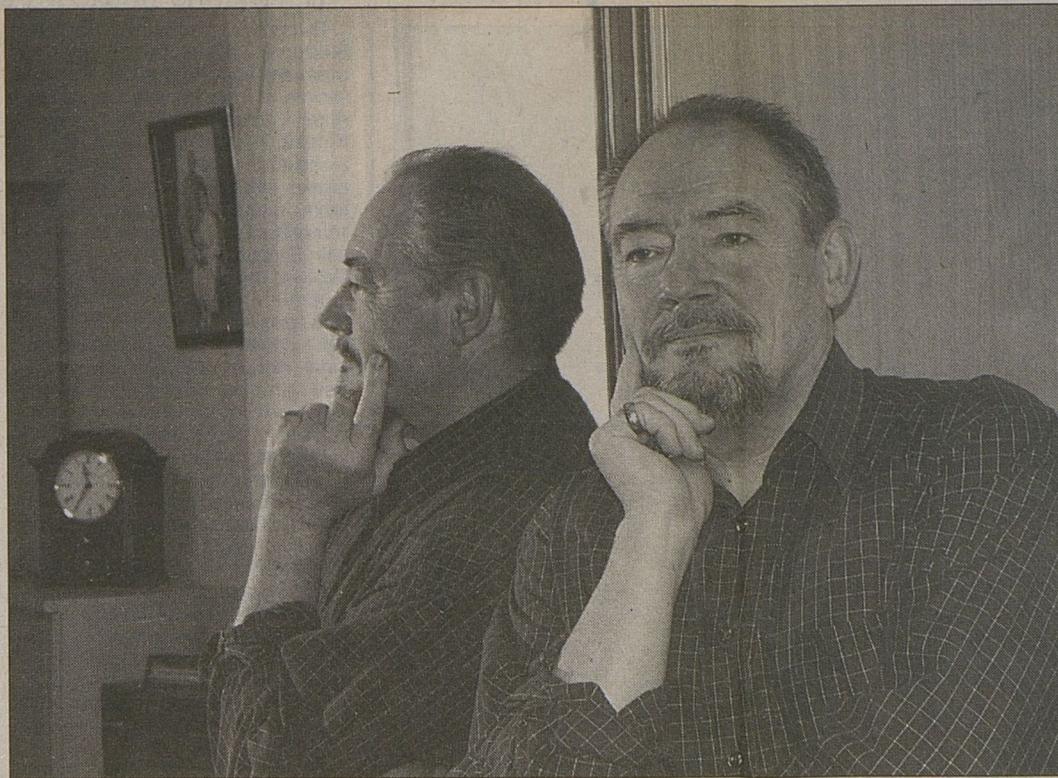
— И пошли непрямым путем — стали искать Европу в России?

— Да. Тут живет моя любимая женщина, ставшая моей женой. Но первое впечатление от России было шоковым. У нас во Франции до сих пор живет стереотип: русские — агрессивные, злые, милитаризированные. Я всегда бунтовал против стереотипов, но по приезду увидел вас именно такими — настороженными, оглядывающимися, жесткими. Видел в Париже, как «новые русские» сорят деньгами напоказ, — чтобы, вернувшись, сидеть на картошке?.. Это дурной тон — отсутствие чувства меры, чувства уместности. И здесь, в Москве, меня поразили, например, дома на Шаболовке: около облезлого, грязного жилища припаркованы дорогие автомобили. Значит, можно жить в убогой квартире, зато хорошо себя чувствовать, имея престижную иномарку? И потом — вы же не улыбаетесь! Вы взгладом убить можете! Впрочем, довольно быстро понял: когда начинаешь с вами говорить, вы открываетесь, вы доброжелательны. Ну откуда эта маска, зачем вы ее надеваете на лица?..

— В целях самозащиты. В России сейчас трудные времена...
— Конечно, вы долгое время жили в страшной атмосфере всеобщего доносительства, которая не способствует открытости и доверию человека человеку.

— Ну это тоже стереотип — насчет всеобщего характера... Смотри с чем сравнивать. Так или иначе, но в качестве морального идеала донос в России никогда не выступал — в отличие, например, от скандинавских стран, где это называется

Свобода — это бесплатно

Ж. Биллон

«информированием властей» и считается гражданским долгом и добродетелью. А как с этим обстоят дело у французозов?

— О, настоящий француз — не доносчик! Это оскорбление: сказать, что некто сотрудничает с начальством...

— Значит, и у вас существует типично русская дистанция: «мы» — и «они»; «человек» — и «власти»?

— Это типично французская дистанция. А если говорить о русских — мне кажется, вы сейчас ожили. Я вижу это в музыкальных образах — жаль, что читатели через газету не могут услышать моих песен, несколько последних я посвятил России. У вас хорошая молодежь — она динамична, она свободна, такие есть замечательные лица... Мне хорошо работается здесь.

— Расскажите, наконец, о главных вехах вашей биографии.

— Я родился 17 июня 1948 года. У меня было счастливое детство, рос, как такой современный фаврош, в пригороде Парижа. О родителях говорить не стану: у нас не принято выплывать знатность и известность. Скажу лишь, что уже с восьми лет я пел с мамой в нашем кафе — так началась творческая жизнь. В школе учился легко — у меня обнаружилась феноменальная визуальная память, так что вместо уроков я больше занимался гитарой и песнями. До 13 лет я спокойно рос с прекрасной доброй мамой, отцом и четырьмя братьями. Потом наступил переходный возраст, совпавший с эпохой хиппи.

Я вырос в широкие брюки, завел длинные красно-зеленые волосы и огромные очки.

В университет поступил, когда поумнел.

— Как выглядела контркультура изнутри?

— Это было взрывное ощущение свободы. Контркультура во Франции не была социальным протестом против системы, просто казалось, что представление хиппи о свободе было единственно верным, соответствующим человеческой природе.

Студенческие волнения в Париже 1968 года застали меня в армии: учась в университете, подписал контракт, чтобы научиться настоящему делу. Стал сапером.

— Почему же выбрали такую опасную специальность?

— Хотел постичь что-то совсем мне неизвестное. Хотел победить страх.

— Любите риск?

— Люблю. Он приносит сильные ощущения. Сегодня, конечно, иначе бы к этому отнесся: есть жизненный опыт и любимая жена.

Служил я в маленьком городке под Марселем. Нас использовали как сдерживающую силу против студентов. Это настолько противоречило моим убеждениям! Но я обязан был подчиниться приказу и выполнять присягу.

Однако мне полагался ежегодный 35-дневный отпуск. Вот в это время я его и взял — и успел постоять с другой стороны баррикад, вместе с моими товарищами-студентами. На баррикадах же столкнулся лицом к лицу с солдатом — моим подчиненным. И тут уж был вынужден просто уйти.

В чем была суть событий? Студенты выступали против полицейского произвола и дисциплинарного насилия, против почти официального ра-

диоактивного загрязнения — технико-экологическая задача.

Дело в том, что все отходы закапывались в землю, что категорически запрещено. А все соответствующие организации обязывались очистить грунт, чего делать они не умели. Моя фирма знала, как это делать. Сегодня на дворе — ядерная цивилизация. Сейчас я бы открыл такую спецшколу для молодежи — по обучению правильному использованию ядерной энергии. Ведь загрязненные масла сливают в землю, дальше загрязняются грунтовые воды — а мы их пьем... Я знаю хорошие биологические методы очистки.

— Как дальше складывалась жизнь?

— Как беспокойная река. Я делал то, что хотел делать. Сочинял песни для Джо Дассена, для других исполнителей, пел сам...

Наше поколение называли шестидесятниками. В октябре 1959 года на радио «Европа-1» появилась молодежная передача «Привет, ребята!»; стала выходить газета, а потом и журнал с таким же названием — от одноименной популярной песни, написанной мною в одиннадцатилетнем возрасте. Это была целая эпоха — моя эпоха. Главное для нас было — стремление к свободе — свободе самовыражения, свободе решать свою судьбу.

— Многие из лидеров контркультуры затем вполне благополучно вписались в буржуазный истеблишмент, против которого так бунтовали...

— Да, кто-то обуржуазился и погнался за прибылями, а кто-то просто стал работать. Когда я был сыном, меня не интересовала проблема заработка. Когда сам стал отцом, это легло на мои плечи. Это очень трудно — зарабатывать на жизнь чистым искусством, изначально не предназначенным для продажи. У меня есть песня «Оппортунист», там как раз об этом: или выворачивайся наизнанку, или оставайся голым...

Я делаю лишь одно движение: Я все время передаваю пиджак, Выворачивая его наружу той стороной, Которая сейчас принесет мне выгоду.

Я голосую за все партии, Я голосую за все движения. Я — король оборотней И у меня нет врагов!

Я кричу — да здравствует Революция! Я кричу — да здравствует Закон! Я кричу — да здравствуют Забастовки! Я кричу — да здравствует Соласие!

Я делаю лишь одно движение: Я все время передаваю пиджак, Выворачивая его той стороной, Которая сейчас принесет мне выгоду.

Часто я выворачивал свой пиджак, И он треснет по всем швам... Во время

следующей революции!

А тогда я буду выворачивать свои штаны,

Если это снова принесет мне выгоду.

Меня рано пустили во взрослый мир, и мир этот давал мне высказываться, не бил по губам. Мир виделся тогда огромным пространством, где я хотел царить. Счастьем было написать такую песню, чтобы все девушки плакали...

— Почему плакали?

— Мечталось, чтобы все меня любили.

— Каким остался в вашей памяти Джо Дассен?

— Мы жили рядом, но не были очень уж близкими друзьями. Он был очень добрый человек, приветливый, всегда готовый к улыбки, светлый, тонкий, мягкий — в его присутствии невозможно было хмуриться. Его убил шоу-бизнес. Человек, занятый в нем, вынужден подписывать кабальные контракты, которые совсем не оставляют времени на отдых, на общение с семьей. А у Джо во втором браке были два совсем маленьких сына, он не успевал уделять им внимания и испытывал за это гнетущее чувство вины... Безмерная усталость, невозможность принадлежать себе самому, хронический стресс — и сердце не выдерживает...

— Как вам видятся сегодняшние перспективы?

— Сегодня я открыл другую жизнь. Хотелось бы, чтобы это случилось тридцать назад. Но, умудренный жизненным опытом, полагаю, что еще многое смогу сделать. Вот только что получил письмо от Селин Дион (очень известная канадская певица, исполнявшая все песни в фильме «Титаник» Дж. Камерона. — А.Я.). Она услышала мои новые песни и просит прислать их ей. Хочу сочинять песни и книги, мог бы преподавать историю Франции, историю французской литературы — все-таки я выпускник Сорбонны... Пока в Москве у меня узкий круг общения — мне очень нужно к людям!

Человек снял брэнд-маску и оставил ее в виртуальном пространстве, которое век нынешний выдает за реальность. В этом — судьба звезд, героев массового общества, создаваемых пиаром. Но иногда — редчайший случай! — звезда снимает маску. Это больно, но возможно, если есть подлинное лицо и воля к свободе. Он приобрел теперь право на собственное лицо и в прямом, и в переносном смысле слова: все изображения Жаки Биллона, включая фото, сделанные после 2 июня этого года, принадлежат ему самому и с его разрешения публикуются в «Культуре».

Беседу вела
Анна ЯКОВЛЕВА

Перевод
Светланы БИЛЛОН

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ